

Хмельницкие, или присоединение Малороссии

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834--1836. Дмитрий Калинин.

Вступит. статья к собр. соч. Н. К. Гея.

Статья и примеч. к первому тому Ю. В. Манна.

Подготовка текста В. Э. Богграда.

М., "Художественная литература", 1976

[OCR Бычков М. Н.](#)

ХМЕЛЬНИЦКИЕ, ИЛИ ПРИСОЕДИНЕНИЕ МАЛОРОССИИ. Исторический роман XVII века. Соч. П. Голоты. Москва, в типографии Лазаревых Института восточных языков. 1834. Три части: I - 180; II - 179; III - 209. (12). С портретом Хмельницкого.

Автор сего, будто бы *"исторического романа XVII века"*, описывая, в третьей и последней части одного, обручение одного из своих героев, Тимофея Хмельницкого, сына знаменитого Зиновия, прозванного Богданом, с молдавскою княжною, прекрасною Розандою, говорит тако: "Приятно бы было оканчивать романы подобным благополучием (!), где (??) порок наказывается, а добродетель торжествует, где (??) слава и геройство доставляют блаженство и в этой скучной жизни; но человек предполагает, а бог располагает". Не правда ли, что подобные понятия и чувствования делают большую честь сердцу автора? Подумаешь, что читаешь тираду из "Дамского журнала"; ¹ но всемогущее время, в быстром полете, коснулось своим крылом и г. Голоты, и потому он продолжает тако: "Следуя истории, я с прискорбием должен придержаться истины и тем огорчить, может быть, хотя одно чувствительное сердце". Повторяю: все это так прекрасно и вместе так обыкновенно, что эти слова, как и весь роман, можно б совсем оставить без внимания; но следующие за ними строки удивляют своею наивностию и невольно останавливают на себе внимание рецензента: "Может быть, многие воскликнут: "Помилуйте, г. Голота, вы дарите (!) нас уже третьим романом подобного почти окончания!" Что это такое? Дерзкое самохвальство со стороны автора или его смешное заблуждение насчет своего дарования и своей литературной значительности?.. В том и другом случае я, нижеподписавшийся, долгом почитаю предложить ему, со всею вежливостию, два следующих вопроса:

Милостивый государь, г. Голота, к чему такие странные претензии! Поверьте, что они смешны и забавны даже и у таких писателей, которые далеко ушли от вас. Потом, с чего вы вздумали сделать несбыточное предположение, чтобы кто-нибудь из читателей мог дочитать, без крайней необходимости, до третьей части вашего романа, и обратить к вам, г-ну Голоте, такое патетическое воззвание? Ибо - Ваш роман - не роман, а дурной фарс, который гораздо ниже бездарных изделий многих наших романистов.

Все ваши исторические лица искажены и изуродованы; вместо того великого Зиновия Хмельницкого, о котором народная дума говорит:

Тилько бог святыи знае,

Що Хмельницкий думае, гадае!²

вы представили в своем романе какого-то дюкре-дюменилевского героя, вроде знаменитого Эраста Чертополохова, который действует, как сумасшедший, и объясняется надутым, риторическим языком персонажей "Российского феатра" ³. Это произошло оттого, что у вас не было ни идей, ни идеалов, а какие-то мертвые куклы, в которых ваша фантазия не умела вдохнуть *душу живу*, которых вы видели неясно, как будто бы в смутном сне. У вас Малороссию угнетают не поляки, а какой-то сумасшедший лях, Чаплицкий, лицо, весьма похожее на злодеев классической трагедии.

В вашем романе нет и тени Малороссии, ни в действии, ни в языке, исключая разве нескольких малороссийских поговорок, которые вы, ни к селу ни к городу, рассадили в разных местах.